«ЗОДИАК»

г. Кашира

Литературная ГАЗЕТА

22 сентября в Каширском краеведческом музее прошла презентация сборника прозы и публицистики Андрея Тернова. Коллеги по перу, школьники, военнослужащие и другие гости мероприятия, а также сотрудники музея поздравили автора с новым сборником и получили в подарок книги и хорошее настроение.

Внимание: КОНКУРС!

Уважаемые читатели и авторы! ЛИТО «Зодиак» и МПС «ГороСкоП» объявляют третий литературный конкурс «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова. В конкурсе могут участвовать как поэты, так и прозаики Московской области, не ставшие победителями (лауреатами I степени) в прошлом году. Конкурс продлится до декабря 2017 г. Победители получат дипломы и ценные призы.

Условия конкурса:

Две возрастных категории:
- 10 – 25 лет (включительно);
- от 26 лет.

Три номинации:
- Россия (патриотическая тематика);
- экология (природная тематика);
- свободная тематика.

Два раздела:
- поэзия;
- проза.

Присылайте произведения по адресу: г. Кашира-2, ул. Металлистов, д.13/2 или на e-mail: zodiack@yandex.ru.

Алевтина Гришина

Снова осень

Что ж глазами бессмысленно хлопать,
Когда всё пред тобой сожжено...
Б. Пастернак

Снова осень. Знакомые ветры
Прилетели, обдав холодком,
Листья жёлтые, словно конверты,
Вдоль аллейки ложатся рядком.

Я возьму наугад и открою
Лишь один. С удивленьем прочту,
Что прошедшею летней порою
Не увидела сад свой в цвету.

Не увидела море сирени,
Водоём, где кувшинок плоты,
Не услышала птичьего пенья
Над полями, что спело желты.

Боже мой, неужели и вправду
Миновала меня благодать
И могу — словно это награда —
Только жёлтые листья собрать!

На судьбу не в обиде — так вышло.
Вдоль аллейки гуляю опять.
Сад кивает ветвями, услышав:
«Будем лета с тобой ожидать».

Владислав Бусов

Осенние листья

Липы желтеют, падают листья,
В шорохе осени — грустные мысли.
Жаль, что так скоро липы желтеют,
Вот и не в зелени вовсе аллеи.
Ветер деревья вокруг обнажает:
Медленно липы листья теряют.
Воздух наполнен затейливым танцем:
Кружатся листья немыслимым вальсом.
Охрой окрашены осени листья,
В хитросплетеньи повадки их лисьи.
Кружат, шуршат под ногами они,
Мерно считают осенние дни.

Евгений Ефремов

Золотая осень

Золотая осень — осень золотая,
Для кого-то радость, для кого тоска.
Я листвой на сердце раны залатаю
И слегка поправлю седину виска.

Припев: Ваше высочество, ваше сиятельство,
Ваше величество осень!
Вы одиночество, Вы обстоятельство,
Вы переменчивы очень.
Ваше явление, листьев кружение
Гроздьев рябиновых бусы
Вносят сомнение и изменение
В наши привычки и вкусы.

Осень золотая, золотая осень,
Рыжая девчонка, где же ты теперь?
Но туман ложится меж берёз и сосен,
В прошлое тихонько закрывая дверь.

Припев.

Александр Харламов

Напоминание себе

От одиночества души
Стихов печальных не пиши
И не пиши стихов в толпе,
А то пройдутся по тебе.

Пиши стихи на облаках,
На листьях, на родных руках,
Что с детства нянчили тебя,
Пиши целуя и любя.

Пиши во сне и наяву,
Держа границу и канву,
Но не пиши стихов в бреду
И всякую белиберду,

Когда не льётся из души
Стихи, не вздумай, не пиши!

Андрей Тернов

Сердце

Мудрость древних, как лозунг:
Кто с челом — человечен.
Да, опасен безмозглый,
Но страшней — бессердечный.

Умный волк — он угроза
Вечно глупой овечке.
Убивал не безмозглый,
Убивал бессердечный.

Коли не сердцеед ты,
Не сердюк, а сердяга,
Ты не плачься в жилеты,
Будь от сердца трудягой.

Коль усердия полон,
Бьётся сердце, как птица,
Но в сердцах, сердобольный,
Начинаешь сердиться.

Милосердие верно,
Сердцеведам виднее,
Если жестокосерден —
Будь же сердцем умнее!

К человеку — знай правило —
Лучше как присмотреться:
Голова — это главное,
Но центральное — сердце.

ПАМЯТЬ

Инсаров Евгений Петрович (1905 – 1979 гг.), знаток языка эсперанто и член международного общества эсперантистов. Воспитанный гувернером-французом, не доучившись в консерватории, в составе джаз-банда колесил по бурной России 20-х, продолжал искать себя в 30-е, но тяжелое ранение в руку на Финской войне принудило остановиться на профессии инженера-строителя. Корреспондент каширской районной газеты. Похоронен в Кашире.

Евгений Инсаров

Молодому строителю

Строитель молодой, тебе полезно вспомнить,
Тех, кто на стройке был ещё до Октября,
И техника была в те годы скромной,
И доступ к ней закрыт был для ребят.

Работали бородачи на стройках,
Из-под Рязани, Вятки, Костромы,
Пермяк угрюмый, ярославец бойкий
Сходились вместе с мая до зимы.

Хранили мастерства секреты
И плотник, и маляр, и каменщик-старик.
В осенний день, и в зной июльский лета
Работали с зари и до зари.

Под праздник всей артелью в бане
Меняли заскорузлое бельё,
А в праздник из трактира пьяно
Плелись в своё угрюмое жильё.

А молодёжь! — Ей приходилось
Гнуть спину в день за четвертак,
Не пот, а кровь из рук ребят сочилась —
Грядущих битв суровый грозный знак.

Теперь давно так не ведётся,
Чтоб с тяжкой ношей лезть по этажам
И слышать, как стремянка гнётся,
Послушная увесистым шагам.

Шахтоподъёмники и транспортёры
Подносчиков освободили труд,
Бетонзаводы, краны, краскотёры
Весь груз, всю тяжесть на себя берут.

И ты уверенный, дерзающий и стойкий
Прекрасных зданий видишь смелый взлёт.
Ты сам участвуешь в великой стройке,
Которую возводит наш народ.

В учёбе и труде ты не жалей усилий,
Борись, дерзай напористей, смелей!
Нет счастья выше отдавать все силы
На процветанье Родины своей.

12.08.1956 г.

Сердце матери

Маленький городок спал. Это не был спокойный отдых после трудового дня. Что-то тревожное и больное было в этом сне. Несмотря на ещё ранний час, на улицах не видно было прохожих, не лаяли собаки, в окнах не светились огни. Только одно здание было ярко освещено. В этом двухэтажном доме раньше был городской Совет, а теперь его заняли гитлеровцы. В просторных комнатах разместились штаб какой-то небольшой части, отделение гестапо и бургомистр со своей канцелярией. Уже два года, как город был оккупирован немцами.

В одном из небольших домиков сидела у окна женщина, напряжённо вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Она ждала тревожно и мучительно. Медленно тянулось время, ходики на стене отсчитывали секунды, из них складывались минуты, часы. Женщина продолжала сидеть в той же позе, согнув спину и опустив руки.

Ей было видно, как постепенно гасли огни в здании горсовета. Протрещал по улице мотоцикл, и опять стало тихо. Уже только одно окно светилось в большом каменном доме. Гестапо, там всю ночь кто-то бодрствовал, кому-то не давало спать угрожающее молчание завоёванного, но не покорённого города.

Она не смогла бы сказать, который был час, когда её обострённый слух уловил мягкий стук осторожно поднятой щеколды калитки. Женщина вздрогнула, поднялась, бросилась к двери. Опять тишина, только кровь бешено бьётся в висках да ходики неправдоподобно громко отсчитывают секунды.

Неужели померещилось? Он? Нет никого. Прошло ещё несколько минут, и вдруг заскрипели ступени крыльца, кто-то легко прошёл по сеням и отворил дверь.

— Мама, милая! Ты ещё не спишь!

— Серёжа, ну, где же ты был! Почему так поздно! Как ты не попался, ведь по улицам нельзя ходить ночью.

— Мамочка, замолчи, дорогая. Мало ли что нельзя! А им убивать и мучить можно!

— Хорошо, хорошо, я же просто так, я же понимаю... Раздевайся, садись. Сейчас я тебя накормлю.

Женщина опустила тёмную штору и зажгла керосиновую коптилку. В её неверном свете можно было рассмотреть и женщину, и её сына. Ей было немного за сорок, но последние годы посеребрили её виски, глубокие морщины избороздили когда-то красивое, но теперь увядшее лицо. Лишения и усталость не могли убить на лице её сына торжествующую, несмотря ни на что, молодость. Непокорный чуб светлых волос опускался на высокий и чистый лоб, лёгкий первый пушок оттенял губы и щёки, ещё не знавшие бритвы. Глаза юноши блестели, когда он говорил с матерью, но тут же на них опускались покрасневшие от бессонницы веки. Он устал до предела. Сон, сон — вот чего ждало его исстрадавшееся тело. Он ничего не мог с собой поделать. Спать, только спать.

Торопливо съев варёную картошку с кислой капустой и луком, Сергей встал и подошел к матери.

— Мама, у нас есть мука!

— Есть немного, сыночек. Завтра хотела лепёшек напечь. Ты и забыл, конечно, какой день завтра. Восьмое Марта… Ах, Серёженька, а помнишь… Папа всегда покупал мне в этот день духи и цветы. И ты, мой маленький, к этому дню приготовлял мне подарок… Боже мой, боже мой, куда же всё это делось! Где твой папа! Убит, наверно, лежит в сырой земле…

— Что ты, мама! Отец в Красной Армии. Не убит, нет. Не может быть этого. Бьёт он, бьёт фашистов, чувствую я это, не может иначе быть. Ты знаешь, мамочка, наши наступают, они выбили немцев из Ржева. Скоро и до нашего города дойдут. Потерпи, мамуля, немного, будет и на нашей улице праздник.

— Будет, будет, сыночек. Знаю я это. А сейчас ложись спать, ведь на тебе лица нет.

— Мама, вот что я попрошу тебя. Свари-ка ты мне из этой муки клейстер. Очень, очень мне нужно. Ну, не спрашивай, зачем. Восьмое Марта отпразднуем, когда фашистов прогоним. А сейчас я действительно лягу. Только ты меня разбуди через два часа. Слышишь, мама, ровно в три часа я должен быть, как штык!

Тяжёлые веки опустились, и он уснул тут же на стуле, сражённый необоримой потребностью сна. Мать с трудом подняла его со стула.

— Серёжа, Серёженька, ну ложись в постель.

Полубессознательно передвигая ногами, Сергей доплелся до кровати, повалился и уснул крепчайшим сном, каким спят только в юности.

Он не слышал, как мать сняла с него сапоги, расстегнула ворот рубашки, прикрыла стареньким одеялом.

Она сидела у постели, эта рано постаревшая женщина, и вглядывалась в любимые, бесконечно родные черты сына. Ах, да, клейстер. Женщина вышла во двор, набрала в сарае щепок и разожгла небольшой огонь под таганком, на который поставила кастрюльку с водой.

Клейстер, зачем ему клейстер! Она догадывалась, в чём дело. Конечно, он, её Серёжа, был причастен к этой неуловимой организации, которая взрывала железнодорожное полотно, убивала часовых и дерзко расклеивала по городу листовки с правдой, опровергавшей фашистские измышления, с правдой о разгроме фашистов под Москвой, о неудержимом натиске советских войск.

Почти весь драгоценный запас муки был истрачен. Женщина сняла кастрюльку, клейстер был готов. Прошёл уже час. Через час надо будить Серёжу. Она посмотрела на спящего сына. Спать бы и спать ему до утра, пока сам не проснётся, пока не отдохнёт молодое, измученное бессонницей тело.

— Пусть себе спит. Зачем будить! Может быть...

Ну да, а почему бы не так! Ведь завтра Восьмое Марта. Вот она и справит праздник, заменив сына в этом опасном деле. Разве она не сможет расклеить листовки вместо него!

Но где они, куда он их запрятал! Мать вспомнила, что, стукнув щеколдой, сын не сразу вошел в дом. Значит, спрятал листовки где-то во дворе или в сарае. Конечно, в сарае. Она вспомнила, что там стоит старый сундук, наполненный склянками, банками и всякими ненужными вещами.

Мать вышла во двор, прошла в сарай и ощупью стала рыться в сундуке. Ну, так и есть. Вот он, свёрток. С бьющимся сердцем она вернулась в комнату, достала одну листовку и прочитала: «Товарищи женщины, поздравляем вас с Международным женским днём. Ваши мужья и сыновья только что освободили Ржев. Недалек час и нашего освобождения! Смерть фашистским оккупантам!».

Она достала кисточку, которой обычно белила печь, привязала к ручке кастрюли шпагат, чтобы удобно было повесить её через плечо, спрятала на груди листовки, посмотрела с нежностью на спящего сына, задула коптилку и вышла в глухую ночь ранней весны.

— Мама, ну что же ты, почему не разбудила!

В комнате тишина, никто не ответил Сергею. Он торопливо вскочил, оделся и бросился в сарай. Листовок на месте не было. Смутная догадка пронзила мозг. Он вышел на улицу. Вдали увидел эсесовцев, сдиравших со стены листовку. Его листовку, которую он должен был наклеить ночью. Мама, где же ты, что с тобой! Подняв воротник пальто, мрачно и тревожно посматривая по сторонам, Сергей пробирался по улице.

— Серёжа, — вдруг он услышал голос из-за забора, — Серёжа, зайди скорей сюда!

Он вошел во двор. Соседка, учительница средней школы, встретила его. Ее лицо было бледно, голос звучал прерывисто.

— Серёжа, мальчик мой, маму-то... Надежду Ивановну… убили... убили проклятые. — Крупные слёзы полились по её щекам.

— А тебе бежать, бежать надо. Гестапо узнает, что ты её сын, несдобровать тебе.

— А где же... где же мама! Там, у них!

— Нет, родной мой. Утром подобрали её. Лежит она у Васильевых в сарае. Домой-то побоялись взять её. Да ты не беспокойся, не отдадим маму фашистам на поругание, похороним, как положено... Беги, беги, сынок мой!

Сергей выбежал на улицу и через несколько минут был у Васильевых. Старик Потапыч провёл его в сарай... Мама лежала на старом дверном полотне, голова была изуродовать пулевым ранением, кровь из раны запеклась чёрным сгустком. Сергей с глухим стоном опустился на колени, целовал дорогое, единственное в мире лицо...

— Уходи, уходи, Сергей, — сказал Потапыч.

Сергей встал, посмотрел на него мутными глазами и ушёл. Ему посчастливилось незаметно выйти из города.

Почти каждый год Сергей Воронов, теперь кандидат физико-математических наук, приезжает в марте в свой родной город, медленно идёт на кладбище, красиво расположенное на высоком холме над светлой и быстрой рекой, и долго стоит у мраморного обелиска. Здесь навеки погребено чистое и светлое материнское сердце.

08.03.1959 г.

Тамара Орлова

Ложь и Правда

Однажды на одном из перекрёстков встретились Ложь и Правда.

— Ты куда пойдёшь, налево, направо или прямо? — обратилась ко Лжи Правда.

— Я пойду туда, где туман густится, где грязи побольше, — ответила Ложь. — Знаешь, мне там легко живётся, я могу лгать, обманывать всех, живущих там, так как они тёмные и порабощённые людишки. Они мне верят, уважают и пресмыкаются передо мною.

— Да, — задумчиво сказала Правда, — приспособилась, видать, ты неплохо.

— Ну, да, а ты куда пойдёшь? — спросила Ложь.

— Я пойду прямой дорогой, там обычно светлее и чище. В общем, я буду искать Большой свет Правды и думаю, что скоро его найду.

Ложь расхохоталась и, задыхаясь от смеха, сказала:

— Не будь наивной! Где ты сегодня найдёшь уголок, который бы освещала правда и, замечая грязные пятна лжи на ком—либо, смывала их своим светом, приглушая земную нечисть и обман! Не будь дурой, пойдём со мной за ширму лжи и тени! Там тебя не заметят, ты станешь такой, как я (а таких много). Будем дружно лгать и множить наши личные богатства. Я ведь тоже была такой, как ты, всё надеялась на правду и честность, пока нищета окончательно не сломала меня. Подумай и соглашайся!

— Нет-нет! — наотрез отказалась Правда. — Ступай в свою темноту, а я пойду прямо. Но я надеюсь, что придёт время, когда я загляну в твоё логово, освещу его и ты встрепенёшься от Света Правды.

И они разошлись. Ложь быстро нашла тёмный уголок и быстро приспособилась в нём жить. Правда долго шла по тернистому пути, набивая себе шишки, раня свою душу. И вот она пошла по обросшему травой глинистому оврагу, который, казалось, не имел тропы для выхода к свету. Пройдя немного, Правда увидела мерцающий огонёк. Идя к нему, она подумала: «Погреюсь у костра, немного сниму усталость. На душе легче, глядишь, станет. Пусть это хоть и маленький огонёк, но он даст мне силу и надежду на то, что я найду Большой Свет Правды».

Вдруг она столкнулась лицом к лицу с незнакомкой. Та спросила:

— Ты куда и откуда идёшь!

— Я иду по прямой дороге, на которую повернула с перекрёстка, и ищу огонёк Правды. А ты кто!

— Я Вера и тоже ищу Свет Правды.

— Пойдём вместе, — предложила Правда.

И они вместе поспешили к огоньку, который то померкнет, то вспыхнет маленькими искрами света. Конечно, обе догадывались, что огонёк слабеет и может погаснуть и тогда на его месте станет темно, расползётся грязь и затянет всё туманом. Идти было трудно, но вскоре Правда и Вера достигли мерцающего огонька. Вера сразу подула на него своим теплом. Правда направила на его угасающую искру лучик своего света. Чувствуя подпитку, огонёк взметнулся ввысь и, невзирая на дождь, который лил из чёрной тучи, разгорелся ярким пламенем.

Грязные предметы, что ютились около меркнущего огонька, сразу исчезли, а некоторые спешно обратились в личности. Чёрная грязь порозовела, стали появляться синие цветочки, которые, правда, были сильно замазаны этой грязью. Капли свежего дождя рассеяли туман, который ограждал этот уголок от яркого света.

Вблизи послышался радостный голос:

— Я Воля! Спасибо Вам, Правда и Вера, что вызволили меня из плена! Меня здесь сломали, в грязь затоптали, отгородили чёрной стеной и, тыкали кулаком мне в грудь, насмешливо приговаривали: Ну, что, Воля-волюшка,/ Иссохла твоя долюшка, / В плену у нас ты будешь жить, / И работать, и служить, /А если пикнешь против нас, / Сразу выколем твой глаз, /А то ещё чего похуже, /Отрежем ноги, руки, уши!

Раньше здесь были и правда, и вера, и воля, они проливали Свет Правды, за это их жестоко наказывали или вовсе убивали. Глядя на это, многие боялись расправы и сдавались в плен. Вот и я струсила.

Выслушав пленницу, Правда с новыми силами продолжила своё дело — она уверенно очищала тёмные углы от нечисти и грязи. И, наконец, приблизилась к уголку, где уютно устроилась Ложь. Увидев её, Правда сказала:

— Здравствуй, вот мы и встретились! Я пришла к тебе сама. Но не за гостинцами, а…

— Пощади меня, Правдушка, я никого не убивала, не казнила, не грабила. Здешняя нечисть заставляла меня лгать всегда и во всём.

— И ты всю жизнь лгала ради маленькой наживы и со страха, — укоризненно сказала Правда. — Разве не понимаешь, что из-за тебя погибали честные люди.

— Я, я, я…

— Ладно, не якай, разберёмся.

— Я буду, как ты, честной, всегда идти прямым путём, — горячо заверила Ложь.

И вправду, через некоторое время она перестала лгать и прятаться в тёмных углах, которых и не осталось. Она стала жить с правдой и стала самой Справедливостью, а своё прежнее имя забыла.

Галина Аббакумова

Невестка

На побывку сын приехал,
Чтоб обнять родную мать,
А в дороге, ох, потеха,
Смог девчонку повстречать.

Девочка, ну как конфетка,
Думал, мать его поймёт,
Ведь такую встретишь редко,
От волненья дрожь берёт.

Вышла мать к нему навстречу,
Крепко сына обняла,
Не хотела портить вечер —
Всё мамуля поняла.

Видно: девица — красотка,
И стройна, как будто лань, …
Стала говорить — трещотка! —
С уст летит лишь только брань.

— Ах ты, дряхлая старуха,
Я теперь хозяйка здесь! —
Хрясть мамаше оплеуху, —
Ну а ты, милок, не лезь!

— Ох, сынок, за что мне это!
Где ж такую отыскал!
— Прошагал почти полсвета,
Мама, вляпался, попал…

Кто же знал, что так строптива!
Как я смог не разглядеть!
Я польстился, что красива…
Но такое не стерпеть!

Кинулся сынок к мамаше,
Стал её он утешать.
Разъярилась хлеще наша
Девица, давай орать:

— Ах ты мерзкая букашка!
Ты куда меня привёз!
Коли думал — я милашка,
То не жди уж светлых грёз.

Лишь вдвоём с тобой мечтала
Жить в домишке без забот,
Что есть мать… Ох, если б знала,
Развернулась у ворот!

Не хочу жить со свекровью,
В доме бабка не нужна,
Обошлось чтоб малой кровью —
Увези, не то — война!

— Ах ты, жёнка дорогая,
Разведусь — и все дела.
Чтобы мать мою такая
До могилы довела!

Мамочку свою не брошу,
Клин меж нас тебе не вбить!
Потому я сын хороший.
Можешь обо мне забыть.

Мораль: Мать одна на белом свете,
Как никто, дитя поймёт,
А девчонок всяких энтих —
Пруд пруди, аж дрожь берёт!

Степан Васин

Идиот

Как радостно живётся идиоту,
Добрейшему парнишке без мозгов,
Есть у него всего одна забота:
В округе злые толпы дураков!

Есть идиоты, что встают с рассветом —
За дураков молиться всей душой,
Тупая злоба корчится при этом
И требует: «Не лезьте в мой покой!»

Коль идиота словом ранить в сердце,
Он может просто взять — и умереть,
Коль выживет, то у закрытой дверцы
Любовь научит думать и терпеть.

Но дураки, старея год от года,
Оставив детям в зарослях Содом,
Берутся за прополку огорода,
Сильнее любят свой дурацкий дом,

Медали за убитых идиотов,
Билет партийный… Только счастья нет…
Ушла эпоха красных «патриотов».
Молиться идиотам на рассвет.

Евгений Шибаршин

Осень жизни

Лето кончилось, осень в окошке,
Листья падают, падают, падают…
Стариков одиноких, брошенных
В этом мире ничто не радует…

К ним никто не придёт в час вечерний,
Не заглянет в усталые очи
И не спросит с заботой дочерней::
«Как вам спится, родимые, ночью!»

Как же ценны родителям нашим
Доброта и забота людская…
Кроме деточек, кто ещё скажет:
«Мама милая, ты, ну такая!..

Я люблю тебя, папа, сильно!
Буду вместе с вами навеки»…
Это в детстве мы так говорили,
Нынче взрослые мы человеки…

Вот оставили наших любимых,
Очень редко доходим до них мы,
Боже милый, великий, родимый,
Помоги же любить их живых нам!

Это Ты, нас вручивший друг другу,
Дар бесценный даёшь нам — любить,
С ним в жару, и в кромешную вьюгу
Будем верить, надеяться, жить!

Хельми Мяэнпяа

Камни

У камней не мирское призванье.
Среди вихрей земной суеты
Лишь они пребывают в молчании,
Словно иноки, стёрты черты.

Видят камни ступени познанья,
Они вышли за грани ума,
Слышат Будды живое дыханье
И вдыхают деревьев туман,

И хлопок одной лишь ладони
Ощущают сквозь воздуха гладь,
Хоть промчатся не раз по ним кони —
Камни будут смиренно молчать.

У каменьев прозренье в бутоне
Безоружной простой красоты.
Посади сад камней в своём доме —
И узришь просветленья цветы.

К 90-ЛЕТИЮ КАШИРСКИХ ЛИТО

Дорогие друзья! В 2018-м году исполняется 90 лет со дня основания первого в Кашире литературного объединения (март 1928 г.) при районной газете. Мы начинаем публикацию произведений авторов ЛИТО, которые были напечатаны в разные годы.

Мария Горелова

Басня – быль

Читала я, какой-то комендант
Какого-то, не помню, общежитья,
В служебном рвении желая отличиться,
Отправился порядки наводить.
Проверить, как живут, кого-то похвалить
И, если надобно, то строго пожурить.
Он комендантское своё усвоил званье
И твёрдо знал проблемы воспитанья.
Сей «воспитатель» был, не мудрствуя при этом,
Поклонник всяческих талантов и искусств.
Бумажных роз ярчайшие букеты,
Русалки толстые, одеты и раздеты,
Открытки пёстрые его пленяли вкус.
Короче: всё здесь обошлось молчаньем,
Не вызвав у него особых замечаний.
Но вдруг… Над белой девичьей кроватью
Картину странную увидел «воспитатель».
Картину! Нет! Икону на стане!
То наяву иль, может быть, во сне!
Святая дева, ангелы… «О, боже,
Поповщина средь нашей молодёжи,
У комсомолки среди бела дня.
Кто допустил, как смели… без меня!
Зачем со мною не согласовали!!»
Напрасно коменданту разъясняли,
Что над кроватью комсомолки той
Висит картина, вовсе не икона, —
Прекрасная Сикстинская Мадонна
Склонилась к сыну дивной головой.
Но… Комендант рукою непреклонной
Снял со стены «Сикстинскую Мадонну».

Пусть сей рассказ не вызовет сомненья,
Невежды есть у нас, к большому сожаленью.
Невежда без чинов не сделает вреда,
А дать невежде власть — получится беда!

07.06.1959 г.

Михаил Аниканов

Живая вода

С войны я солдатом
Вернулся в колхоз.
Молоденький сад там
Бурьяном зарос.
Чтоб сад плодоносил
Плодами с кулак,
Я с радостью сбросил
Всю тяжесть атак.
Во время работы
У всех на виду
Я капельки пота
Оставил в саду.
И яблони снова
Цветут над страной,
Политые словно
Живою водой.

12.04.1962 г.

Василий Артамонов

Каширская боевая

Достойна почестей и славы
Кашира — город мой родной.
В годину грозных испытаний
Вела с врагом ты жаркий бой.

Твои сыны могучей силой
Рвались навстречу вражьей тьме.
Закрыли грудью под Каширой
Врагам все подступы к Москве.

Со всех высот фашистов били
За каждый куст и дом родной.
Теперь твои поля и шири
Известны славой трудовой.

Звучат куранты древней башни,
Шумит заокский стройный лес,
Цветут сады на радость нашу,
Все ярче свет Каширской ГРЭС.

И если мирный труд наш снова
Захочет вдруг нарушить враг,
Мы сокрушим врага любого,
Непобедим наш алый стяг!

16.12.1966 г.

Литературная газета «Зодиак» создана силами ЛИТО «Зодиак», г. Кашира
Учредитель газеты: Тернов А.А.
Главный редактор: Тернов А.А.
Тел. редакции:
e-mail: zodiack@yandex.ru
Отпечатано в ООО «АиБ»
Заказ №0045
Тираж 999 экз.
Распространяется бесплатно

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТУДИЯ «ГороСкоП»

Руководитель ЛИТО «Зодиак» и МПС «ГороСкоП» Андрей Тернов и сотрудницы Московской областной государственной научной библиотеке им. Н.К. Крупской (г. Королёв, 08.09.2017 г.).

Михаил Рудаков

Встреча с Зевсом

Стихи шли редкою порой,
И пропадало вдохновенье,
Не радовал хорея строй
И ямба чистое прочтенье.

И не тянулся я к перу,
Коль настроение иное,
Сказать хотелось всем, не вру:
«Оставьте же меня в покое»!

Но тут средь серых, мрачных туч,
Такого не видал я прежде,
Дорожку выстлал солнца луч,
Сошёл ко мне Зевс-громовержец.

«Пиши, поэт!» — сказал он мне.
Я ринулся к перу, к чернилам,
Мне всё казалось: я во сне,
В волшебном, нереальном мире.

«Литературное зерно —
Стихи — писать необходимо,
Большое жизни полотно
Они нам свяжут воедино!» —

Поведал Зевс, затем исчез.
Явился он ко мне не даром!
Теперь к стихам есть интерес,
Я Зевсу очень благодарен.

Когда пишу свои штрихи
(Зовут поэтом временами!),
Хочу гремели чтоб стихи
Молниеносными словами.

Наталья Бузовкина

В душе распускаются розы

В душе распускаются розы,
А на сердце нежная боль.
Пишу я любовную прозу,
Пером натирая мозоль.

Сплелись виноградные лозы,
Мне выпал «бубновый король».
Лью горькие ночью я слёзы,
А в мыслях звучит ре-бемоль.

А научись любить хотя бы одного

А научись любить хотя бы одного,
Чтоб днём и ночью сердце, как рояль, звучало.
Тебе не нужно будет больше ничего,
А будет всё, чего для счастья не хватало.

А научись любить хотя бы одного,
Чтоб до мурашек твоё тело пробирало.
Когда-нибудь поймёшь: достигла ты всего.
А, может, … этого тебе всё ж будет мало!

Ксения Иевская

Слёзы неба

Слёзы неба пачкали город,
разбиваясь о пыльный асфальт.
Нам стал летом привычен холод,
нам привычна стала печаль.

Слёзы неба пачкали крыши,
разбиваясь на сотни частиц.
Но никто ничего «не слышал»,
равнодушье — маска для лиц.

Слёзы неба сыпались градом,
на земле оставляя следы.
И с тобой мы уже не рядом,
наши чувства давно мертвы.

Дорогие друзья! Случилась беда! У Ксении Иевской СГОРЕЛ ДОМ. Слава Богу, люди не пострадали, но ущерб немалый. Если кто-то сможет пожертвовать свои средства для Ксении, то перечисляйте деньги на эту карту: 639002409023173525 (Кокорева Наталья Васильевна).

ПРИГЛАШАЕМ

всех любителей поэзии и прозы на очередное заседание ЛИТО «Зодиак» 1-го октября в 12:00 в городскую детскую библиотеку № 3, что находится по адресу: г. Кашира-2, ул. Металлистов, д.13/2 (остановка автобуса «Пожарка»).

Читайте, смотрите и слушайте нас в Интернете
на сайте
www.zodiack.narod.ru
или ВКонтакте
vk.com/zodiackashira